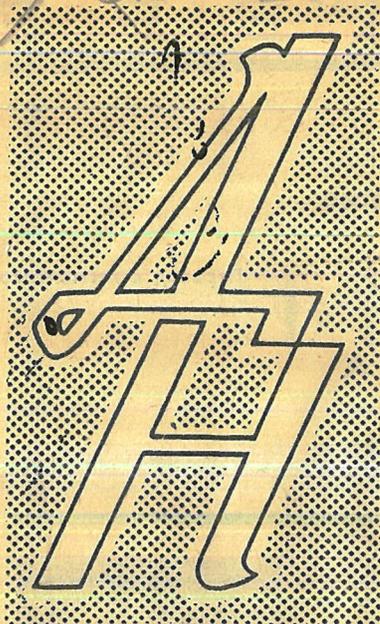

КОНТРОЛЬ

9/280
843 XX 57
61

**дружба
Народов**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ
ТРУДЯЩИХСЯ СССР»

МОСКВА

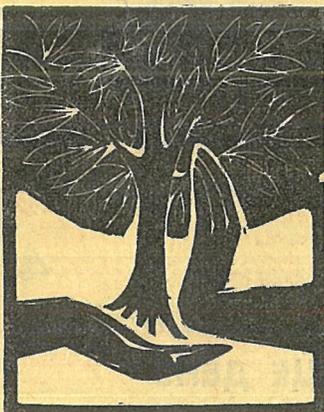
5

1968

ГОД ИЗДАНИЯ 30-й

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

17-69-86

Майк вспыхивал мгновенно и так же мгновенно отходил. И если ссорился с кем-нибудь, то тут же забывал, никогда не таил зла. Особенно взрывался Майк за игрой на бильярде, если случалось сделать ему неудачный удар. Был Майк бильярдист несравненный и непобедимый, несмотря на то, что (престижа ради) никогда ни с кем не играл на равных — всегда давал форы десять — двадцать очков в пирамидку или два, три, четыре шара в американку. И все равно выигрывал.

Вспоминаю такой курьез.

Мы открыли Дом Блакитного.

В день открытия бильярдной в подвале клуба было особеннолюдно. Торжественное «открытие» должно было состоять в том, что первым возьмет кий сам Маяковский и будет разыграна американка на «выкидку». Тот, кто «выкинет» (переиграет) Маяковского, должен был быть провозглашен бильярдным королем украинской литературы, и ему, когда бы он ни пришел, все должны были уступать очередь, а денег с него не брать (тогда было такое правило: за пользование бильярдом платит тот, кто проиграл. Деньги клали в лузу в фонд ремонта бильярда). Никто не сомневался, что «королем» так и останется Маяковский: разве можно надеяться выиграть у Володи, если он, когда ему выпадало начинать игру, кончал партию американки чаще всего «с кия», то есть клал все восемь шаров, не дав партнеру ни одного удара?

И вот Маяковский взял кий, помелил и стал в позицию у короткого борта:

— Кто первый? Четыре — форы!

К бильярду подошли лучшие игроки — Павло Иванов, Постолюковский, Фурер, — однако кия не брали: первым начинать не решался никто. Слава Маяковского-бильярдиста была не меньше славы Маяковского-поэта. За ними толпились бильярдисты второго и третьего ранга: Копыленко, Слисаренко, Вражливый, я... Мы, ясное дело, тоже молчали.

Маяковский надменно усмехнулся:

— Что, и на четыре нет? Ну, о пяти шарах с бильярда я никогда не слышал...

Тогда и взял кий Йогансен. В лицо ему бросилась краска: Майка задело за живое. Он схватил кий, намелил кончик и стал у другого короткого:

— Так на так, Владимир Владимирович.

По бильярдной прокатился шелест. Это была дерзость! Против Маяковского? С Маяковским — на равных? Ну, знаете... Послышались реплики:

— Брось, Майк, ерепениться!.. Да он шутит... Володя, ты не обращай внимания, он нарочно тебя дразнит!..

Но Маяковский уже впал в амбицию:

— Пускай будет так на так. Но... на пролаз!

На пролаз играли тогда, когда хотели обесславить, унижить партнера: на пролаз означало, что проигравший должен по-пластунски, на животе ползком, пролезть под бильярдом.

Майк побледнел. Самое предложение было тяжкой обидой: Маяковский, выходит, хотел его проучить за дерзкий вызов играть на равных. Майк закусил удила:

— Ладно: на пролаз! Сколько партий — одна или с контрой?

Это уже была дуэль, тут же нашлись и секунданты. Выработали условия: играть две партии — с чередованием первого кия независимо от выигрыша; если игроки разойдутся — играть контру.

Маяковский отворил дверь в буфетную и крикнул:

— Николай Михайлович, бутылочку моего!

«Мое» — то было пиво харьковского завода «Новая Бавария», для которого рекламу написал Маяковский: «Какая б ни была авария, пиво «Новая Бавария»; на этикетке было нарисовано бурное море, спасательный круг на воде и в нем матрос с бутылкой пива.

Пирамидку поставили, Маяковский из горлышка выдул бутылку пива, Майк стоял и похлопывал кием по ладони — он нервничал. Секунданты бросили монету — орел или решка? Начинать выпало Майку. В бильярдной стало тихо, как в церкви.

Майк пустил на пирамидку биток — желтый шар, «зегера», как этот шар у нас назывался, потому что был он одного цвета с волосами Владимира Викторовича Зегера, секретаря журнала «Всесвіт», пожалуй, третьего после Рывкина и Майка харьковского бильярдного короля. Шар металлически щелкнул и — своим — упал в лузу. Пирамидка рассыпалась у короткого борта. Свой при разбивке в лузу — не такая редкая штука, Маяковский стоял спокойно, заедая пиво соленым сухариком. В бильярдной царил тишина — Майк пошел вокруг бильярда. Он подходил к шару, стоявшему под ударом, прицеливался, коротко ударял — и снова металлический звук: опять шар в лузе... Каждый шар бильярдная провожала шумным вздохом. Никто не решался произнести ни слова... Майк обошел восемь раз вокруг стола, восемь раз ударил — восемь шаров упало в лузы; партнеру он не дал ни одного удара.

— Ура! — загремела бильярдная. — Знай наших! Дай ему, Майк, дай! Не в рифму твои стихи, Володя!..

Маяковский покусывал губу — этого он не ожидал. Когда поставили пирамидку, он, присев, проверил на глаз, точно ли. Потом наклонился над бильярдом всем своим длинным и массивным телом и положил кий на стойку пальцев. В бильярдной снова воцарилась мертвая тишина. Удар! Шары брызнули в разные стороны — Маяковский разбил на весь бильярд, — и два крайних лежали в двух угловых лузах. Шумный вздох снова вылетел из груди болельщиков. Маяковский пошел вокруг бильярда. Один за другим после шести ударов забиты еще шесть шаров: восемь — Маяковский тоже не дал Майку ни разу ударить!

Этого, разумеется, и следовало ожидать: выигрыш должна была решить только контра. И силы партнеров были, пожалуй, равны. Майк имел для контры психологическую фору — он играл на «своем поле», болельщики были за него. Но и у Володи была форa — тактическая: ему принадлежал первый удар, так как он выиграл предыдущую партию.

— Николай Михайлович! — крикнул Маяковский. — Еще одну моего!

Он налил пива в стакан, выпил и подвинул бутылку Майку:

— Прошу!

— Спасибо, — даже не взглянул на бутылку Майк, — до выстрела пива не пью.

— Так это ж на охоте!

— Все равно. Кто ищет силы в «Новой Баварии», тому грозит тяжкая авария, — Майк задирал нос.

Маяковский подернул плечом, нахмурился — экспромт его уколел — и наклонился над бильярдом. Теперь он послал «зегера» тихо, тот упал в угол, остальные шары рассыпались под коротким бортом. И Маяковский начал... щелкать: удар — второй в лузе, удар — третий, еще удар — четвертый... Майк сердито передернул плечами и положил свой кий на длинный борт — знак, что понимает: ему бить не придется!.. Но руки с кия не снял. Удар в среднюю лузу вызвал шумную реакцию болельщиков: шары

упали в обе лузы — биток оттяжкой на себя. Шесть готово! Оставалось еще два. Значит, у Майка шансов... почти не оставалось. Еще один «шелк» — седьмой шар в лузе. Майк снял руку с кия на борту — примета бильярдистов: если боишься, что партнер возьмет шар, положи кий — и тот промажет.

Маяковский выбрал шар у угловой лузы — маленький «клопшосс», — и он сейчас будет там. Майк зажмурился. Удар!.. И по бильярдной прокатился общий шумный выдох: шар отскочил от борта в поле.

Майк схватил кий. Шанс? Шанс! Один против девяти из ста. Положить восемь с кия, когда на бильярде осталось девять шаров, невозможно! Шанс в другом: разогнать шары, прибить их к бортам, раскарболить — и затянуть игру на отыгрышах. Но один шар у самой лузы, и Майк не устоял. Он легонько коснулся его битком, шар упал в лузу и отколол еще один. Опять легкий удар, как погладил, — и еще один. Затем — третий. Но четвертый ткнулся в лузу и... откатился назад. Майк в сердцах плюнул.

Тут оно и началось: Маяковский отыгрался, отыгрался Майк. Еще раз. И еще раз. Минута, вторая, третья. Теперь расчет только на то, что у партнера сдадут нервы. В бильярдной поднялся гомон: зрители бросали насмешливые реплики.

Майк вскипел:

— Кому не нравится, может убираться! Но прошу не мешать!

— Да, товарищи, — сказал и Маяковский, — давайте... серьезно...

Болельщики потянулись к двери: такая игра могла длиться до утра. Но вдруг Майк наклонился к шару, от которого только что отыгрался Маяковский: шар отошел на два-три сантиметра от борта. Майк решительно положил руку на сукно, приготовясь бить:

— Дуплет!

Удар. Шар отскочил от борта, тихо покатился через стол и... тихо упал в среднюю лузу. Четвертый! По залу пробежал восторженный шум. А Майк стоял уже над очередным шаром: его биток вышел на середину и остановился против второй средней, а еще один шар, стоявший рядом с только что забитым, откололся от борта и стал... опять-таки перед средней лузой.

Майк прицелился, направил кий в низ шара и несколько вбок и... повторил удар Маяковского: оба шара упали в средние лузы — один напротив, другой в свою. Шесть! Еще два. А партнеру только один. Маяковский угрюмо усмехнулся. Майк оглядел поле и пустил шар отыгрышем.

Но теперь, на радостях что ли, Майк сыграл неудачно: шар отошел от борта и стал под удар. Правда, в трудной позиции, через весь бильярд.

Маяковский тщательно прицелился и ударил изо всей силы — своего.

Металлический «шелк»: шар — восьмой! — ударился в медную дужку над лузой, подскочил и... упал на пол. По бильярдной прокатился рев. Аут! Выпал свой. Маяковскому пришлось выставить штрафной: теперь у обоих по шести.

Через минуту или две, после нескольких взаимных отыгрышей, Майк положил-таки один за другим два шара — восемь! — и вышел победителем.

И Маяковский... полез под бильярд. Сам на свое публичное позорище поставил это условие. И тут с поверженным королем бильярда произошел второй конфуз: кабинетный стол имел очень низкое «брюхо» и Маяковский застрял под бильярдом: голова с одной стороны, ноги — с другой. Вот тут и началось!.. Майк, как мальчишка, выплясывал вокруг

индейский танец, издавая что-то вроде боевого клича команчей или ирокезов. Все хлопали в ладоши и кричали «Браво-бис». А Маяковский, если б и просунул плечи и живот, все равно не мог бы вылезти, потому что с одной стороны бильярда его тащили за руки, а с другой за ноги.

— Братцы! — взмолился Владимир Владимирович. — Смилуйтесь! Ведь разорвете же! Четвертуете!.. Сдаюсь! Больше не буду! Йогансен — король! Буду брат у него фору! Только пощадите! Отпустите душу на покаяние!

Так был повержен бильярдный кумир, и королем бильярда в литературе — во всей, как решено было тогда же, многонациональной советской литературе — стал Майк Йогансен.

Необычайно шумно прошел тот вечер. Угощал всех Маяковский. Пил водку даже Майк, которого от спиртного тошнило. Пропили, вероятно, весь аванс Маяковского под какой-то сценарий. Впрочем, этого сценария он, кажется, так и не написал, и позднее деньги были студией списаны.